

Позже, воспользовавшись моментом, когда Ван Цзинфэй отлучился в отхожее место, он перегрыз верёвки и сбежал, где и наткнулся на Гу Шаобая с Мо Жанем.

Пока он рассказывал, Фан Цинчи принёс лекарство, и Гу Шаобай аккуратно нанёс его на раны.

При ярком свете свечи следы от плетей выглядели ещё более ужасающе, он старался действовать осторожно, но слышал, как Мо Жань уже всю ругает Ван Цзинфэя и всех его предков.

После обработки ран Гу Шаобай взял чистую одежду Му Люняня и сунул ему в руки:

— Сегодня переночуешь в этом, завтра я велю купить новое.

Цинсяо был в слезах и снова хотел упасть на колени, но Гу Шаобай опередил его, поддержав, и повернулся к Му Люняню:

— Люнянь, у Цинсяо нет дома. Может, он останется здесь? Ты нездоров, а Цинчи не всегда рядом, пусть он за тобой присматривает, хорошо?

Му Люнянь улыбнулся:

— Хорошо, если он не сочтёт меня обузой.

Цинсяо, выросший в «Павильоне Ялю», умел читать людей. Видя, что этот господин, хоть и выглядит больным, но имеет благородный характер и явно ценится спасителями, он проникся к нему глубоким уважением. Он поклонился Му Люняню:

— Господин, Цинсяо будет служить вам всем сердцем!

Му Люнянь улыбнулся:

— Я нездоров, в будущем придётся тебя беспокоить.

Цинсяо снова поклонился Гу Шаобаю:

— Благодарю вас за то, что не отвергли меня и готовы приютить. Ваше и господина Мо спасение — это милость, которую я никогда не смогу отплатить в этой жизни...

Гу Шаобай ответил:

— Мы с Синьюнем спасли тебя не ради благодарности, больше не говори так.

Он подумал и добавил:

*

Одна волна приходит, другая уходит,

Один гребень исчезает, другой возрождается.

*

Надеюсь, ты полностью порвёшь с прошлым и начнёшь новую жизнь. Отныне будешь зваться «Чжуншэн»!

Он задумался и продолжил:

— Сегодняшние события, вероятно, привлекут внимание. Когда всё утихнет, я отправлю тебя из Цзинлина туда, куда ты захочешь. Хорошо?

Чжуншэн наполнился слезами, хоть и не знал, куда он может пойти, но, услышав слова Гу Шаобая, которые не содержали ни капли презрения, он не смог сдержать слёз, не зная, как выразить свою благодарность.

Фан Цинчи увёл всхлипывающего Чжуншэна устраиваться.

Гу Шаобай же сидел в кресле, и его брови всё больше хмурились. Мо Жань сказал:

— Шаобай, не переживай. Мы оба изменили внешность, даже если этот негодяй Ван Цзинфэй начнёт искать нас по портретам, он нас не найдёт.

Гу Шаобай нахмурился:

— С нами всё ясно, а что с Чжуншэном? Если его опишут и начнут искать, что тогда? Ван Сыдао одним словом может перевернуть Цзинлин с ног на голову, и если найдут Чжуншэна, это приведёт ко мне, а самое страшное — накроет Люняня...

Он провёл рукой по виску, на спине выступил холодный пот, чем больше он думал, тем больше боялся. Нужно было придумать способ, чтобы Ван Цзинфэй не мог продолжить расследование.

Он отправил Мо Жаня и долго сидел с закрытыми глазами, размышляя.

Прошёл целый час, прежде чем он открыл глаза и позвал Фан Цинчи, прошептав ему что-то на ухо. К тому времени, как они закончили, на горизонте уже появилась полоска рассвета, и Фан Цинчи вышел, чтобы выполнить поручения Гу Шаобая.

Пока Гу Шаобай ворочался всю ночь, в «Павильоне Ялю» тоже царил хаос.

Ван Цзинфэй кричал и бил, чуть не разгромив весь павильон. Только когда из комнаты молодого господина Вэньсиня передали, чтобы не беспокоили отдыхающего благородного гостя.

Ван Цзинфэй вдруг понял, что этой ночью здесь был Му Цинфэн, и поспешно ушёл со своей свитой, чтобы пожаловаться отцу.

— Лэн Дун.

Дверь тихо открылась, и начальник охраны Му Цинфэна, Лэн Дун, вошёл в комнату, закрыл за собой дверь и поклонился полулежащему на кровати Му Цинфэну:

— Князь.

Му Цинфэн был одет в белый халат, с вышитыми на рукавах и подоле узорами из ветвей лотоса, выглядел он очень спокойно и непринуждённо. Он тихо спросил:

— Гу Шаобай?

Лэн Дун ответил:

— У князя отличный слух, это он, но он изменил внешность.

— О! — Му Цинфэн поднял бровь. — Он ещё и умеет менять внешность.

Лэн Дун вспомнил, как он и Мо Жань это делали, и усмехнулся:

— Очень неумело.

Му Цинфэн представил себе, как это могло выглядеть, и спросил:

— А кто бил?

Он был уверен, что с наблюдательностью Лэн Дуна и их неумелой маскировкой, тот обязательно узнает.

— Мо Жань.

Му Цинфэн кивнул. У Гу Шаобая действительно было всего пару друзей, и по тому, как бывший дышал как загнанный зверь и действовал без всякого порядка, он и сам догадался, что это был Мо Жань.

— Уходи.

Лэн Дун вышел.

— Князь, чай, — тонкие и длинные пальцы протянули ему чашку.

Му Цинфэн, всё ещё погружённый в мысли о маскировке Гу Шаобая, чуть не забыл, что рядом кто-то есть.

Он взял чашку, сделал глоток:

— Вэньсинь, не знаю почему, но один и тот же чай у тебя имеет другой вкус.

Вэньсинь был одет в бледно-голубой халат, под оранжевым светом фонаря его мягкие черты лица казались покрытыми лёгкой дымкой, добавляя таинственности. Он тихо улыбнулся:

— Князь, это не чай другой, а настроение того, кто его пьёт.

Вэньсинь смотрел на это красивое, но холодное лицо. Когда он не улыбался, его тонкие губы казались бессердечными, но когда он улыбался, это было как весенний дождь, дающий ощущение невероятной нежности. К сожалению, он улыбался не часто, и даже когда улыбался, это не всегда было искренне.

Но только что, когда он услышал, как Лэн Дун говорил о Гу Шаобае, его улыбка была настоящей, идущей из глубины сердца, отражаясь в глазах и задерживаясь на губах, словно с ноткой нежности. Он предпочёл бы, чтобы это было его воображением.

Му Цинфэн не стал спорить, просто допил чай и поставил чашку на столик, глядя на Вэньсиня, тихо произнёс:

— Вэньсинь, тебе тяжело каждый день находиться в таком месте...

Вэньсинь улыбнулся:

— Князь, я здесь по своей воле. Это место, где собираются люди всех сословий, здесь часто бывают высокопоставленные чиновники, это идеальное место для сбора сведений... Я управляю вашей тайной охраной, где ещё может быть удобнее?

Вэньсинь встал, налил Му Цинфэну ещё чая и сел, спросив:

— Князь, вы пришли с каким-то заданием для меня?

Он знал, что если Му Цинфэн пришёл, значит, есть важное дело.

Му Цинфэн достал из рукава лист бумаги и протянул ему. Вэньсинь развернул его и увидел три иероглифа: «Фан Сяоань».

Он кивнул, снял абажур с лампы и поднёс бумагу к огню, через мгновение она превратилась в пепел.

Му Цинфэн лежал на кушетке, просматривая сообщения от тайных агентов со всей страны, и только к полуночи ушёл.

Ночь была глубока, но звуки музыки всё ещё доносились. Вэньсинь долго сидел в одиночестве, затем медленно встал и сел на кушетку, где только что сидел Му Цинфэн, поглаживая ещё тёплую подушку.

На столике из золотого наньму стояла недопитая чашка чая, уже остывшая. Вэньсинь поднял чашку и очень медленно сделал глоток. Холодный чай был горьким, но он знал, что делает.

Три года назад Вэньсинь, мстя за учителя, в одиночку отправился в пустыню, чтобы найти убийцу. Хотя он в конечном итоге убил врага, но сам был тяжело ранен и едва выжил.

На грани жизни и смерти его спас Му Цинфэн.

Он всегда помнил тот день, когда открыл глаза и увидел этого человека. Он сидел у окна, освещённый мягким утренним светом, его черты были глубокими и холодными, светло-голубой шёлковый халат облегал его сильное тело, как обнажённый меч, сверкающий в свете.

Услышав движение, он повернулся и усмехнулся:

— Если бы ты не очнулся, я бы уже выбросил тебя.

С тех пор Вэньсинь стал следовать за Му Цинфэном, став его начальником тайной охраны.

Му Цинфэн думал, что он делает это из благодарности, но только Вэньсинь знал, что это было из-за той первой влюбленности, которая навсегда приковала его к этому человеку.

Холодный чай был горьким, но он знал, что делает, и делал это добровольно.

Через щель в окне проскользнул ветер, и пламя свечи слегка дрогнуло.

Вэньсинь не двигался, но его рука уже схватила спрятанный в рукаве кинжал.

Кто-то легко постучал в окно: два коротких и три длинных удара.

Он вздохнул с облегчением, отпустил кинжал и встал, чтобы открыть окно.

Чёрная фигура, как ласточка, влетела в комнату и в мгновение ока оказалась перед Вэньсинем, улыбаясь.

Вэньсинь спокойно смотрел на неё — свою единственную ученицу, Гуаньсинь.

Он пододвинул ей стул, налил чашку тёплого чая и, при свете свечи, внимательно рассмотрел её:

— Ученица, год не виделись. Ты выросла и стала ещё красивее.

<http://bllate.org/book/16730/1538613>